

Тень народа

Великому Михоэлсу, вскоре после окончания второй мировой войны посетившему США, очень хотелось повидаться с Эйнштейном. Встреча состоялась, и Эйнштейн, в частности, поинтересовался, есть ли в СССР антисемитизм. Михоэлс, естественно, ответил, что нет. А Эйнштейн, которому некого было бояться, сказал на это: «Как физик, я знаю, что любая вещь имеет свою тень. Тень еврейского народа — это антисемитизм». На этих словах и закончился двухсерийный документальный фильм Семена Арановича «Большой концерт народов, или Дыхание Чейн-Стокса» (совместное производство «АСК-фильма» и «Ленфильма»).

А начался он с красочных, ослепляющих кадров из знаменитой «выставочно-фольклорной» агитки времен заката сталинского режима, с того самого «Большого концерта народов». Монтажные перебивки с кадрами этого бесконечного маскарада то и дело врываются в спокойные, неторопливые и страшные рассказы о трагедии народа, который, кажется, на этом балу уже не был представлен.

Рассказывают те, кто уцелел, выжил, и поскольку самое страшное все-таки было уже очень давно, лет 40 назад, то и говорят эти люди без особого волнения — теперь-то уж что волноваться. К тому же и живут многие теперь в Израиле, родные и близкие Михоэлса, Зускина, Льва Квитко, Лины Штерн, Перца Маркиша. Но от будничности, с которой этот рассказывается, да еще от этих бесконечных кадров из «Большого концерта» становится еще страшнее.

Вот вдова писателя Маркиша Эстер Маркиш, вспоминая о дне ареста мужа, говорит: «И вот пришел этот страшный

час и день». Но это — для нее. А в других семьях были свои страшные часы и дни, а у всех нас вместе (и не только, конечно, у евреев) был страшный век и страшная страна.

В принципе то, о чем рассказано в этом фильме, достаточно хорошо известно, так что труд на свои плечи Аранович и Павел Финн (он вместе с режиссером писал сценарий) взвалили неблагодарный. Но дело ведь не только в том, что рассказать и показать, а еще и в том, КАК это сделать. И сделано практически безукоризненно. Ну, разве что чуть-чуть нарушена пропорция между изобразительным рядом картины и бесконечными монологами: первого могло бы быть побольше, а второго — поменьше. Впрочем, это дело авторов, да и кто мерил эти «поменьше-побольше»? Ведь слушать то, что говорят люди с экрана, чрезвычайно интересно, и каждого из этих персонажей фильма, видимо, можно было бы еще снимать и снимать — ведь это же живой, ни с какими документами не сравнимый архив!

Трагедия, как и положено, соседствует с фарсом. По-своему великолепен прословутый сталинский охранник Рыбин, слушать которого то смешно, а то и страшно. Прекрасно солирует и другая придворная «шестерка», некий Суханов, который говорит односложно, без интонаций и без малейших интервалов между фразами. А рядом с этими персонажами из кунсткамеры — сын Жданова, профессор, который с пиекетом рассказывает об отце, показывает семейный альбом с трогательными фотографиями.

Вот одна байка неутомимого Рыбина, в которой, право же, порой проглядывается и кое-что интересное. Едут они как-то раз с товарищем Сталиным на дачу на бронированном «паккарде», а вождем и говорит Рыбину: «Что такое? Все умирают, понимаешь. Жданов умер, да? Димитров умер, Куйбышев тоже умер, Чойбалсан, Менжинский... В чьм

дело, слышай? Будем врачей мэнять на молодых». Здесь степень идиотизма как бы возводится в квадрат, причем без всякого вмешательства авторов «Концерта». Судьбы сотен, тысяч, да, видимо, и миллионов людей решаются на таком вот интеллектуальном уровне.

Но до врачей эта лапа дотянулась уже позднее, почти под самый свой конец. Сначала она прошлась по евреям ВООБЩЕ, выбрав такие мишени, как Еврейский антифашистский комитет, еврейские газеты и издательства. Но и это был уже конец 1948 года, а еще раньше, в январе, расправились с Михоэлсом.

Михоэлс — это как бы отдельная тема фильма. Кадры живых, играющих Соломона Михоэлса и Вениамина Зускина великолепны, потрясающи, особенно их знаменитая, непревзойденная никем пара — Лир и Шут. На редкость точен и монтаж фрагментов шекспировской трагедии с основной темой фильма. Русский генофонд довольно удачно выбили в первые же послеоктябрьские годы, генофонд евреев России стали выбирать в конце 40-х. «Когда не стало Михоэлса», — сказал кто-то из его близких, — мы лишились пастора, не к кому стало обратиться за советом, попросить защиты... Смерть Михоэлса была как бы началом конца, началом алии (исхода) евреев из СССР». Если б только Михоэлса...

Трагедия еврейского народа еще и в том, что многие евреи, затравленные советской властью (да разве одни они?), тем не менее чувствовали едва ли не благодарность к мучителям, потому что «там» еще хуже: ведь так нас учили десятилетиями. И даже те, кто воочию успел повидать это «там», все равно верили (или делали вид, что верят?) в этот бред, в этот «большой концерт». Родственники знаменитого физиолога Лины Штерн говорят, что, приехав в 20-е годы в СССР из Европы, она ежегодно отмечала этот день как самый главный праздник в своей жизни. И даже отси-

дев долгий срок в лагере и вернувшись оттуда едва живой, все равно продолжала отмечать.

Конечно, фильмы такого рода в каком-то смысле уже набили зрителю оскомину, и остановиться надо было бы еще годика два назад. Но фильм Арановича и Финна — особый. Он о настоящей войне гигантского государства против маленького народа, который товарищ Сталин и за народ-то не считал, поскольку не было у евреев самим же вождем и придуманных четырех признаков нации: единства территории, языка, экономики и культуры. Единство было по другую сторону этого незримого фронта, и заключалось оно в жгучей ненависти режима ко ВСЕМ евреям, в какой бы точке бескрайних просторов империи они ни жили.

И пришли самые страшные часы и дни. Раскачивается в гамане пожилая неприметная женщина, снятая то ли любительской камерой, то ли не очень умело. Это и есть Лидия Тимашук, написавшая донос в «органы», с которого, собственно, и началось «дело врачей». И в те годы лицо ее было совсем другим, самодовольно-непроницаемым, как вот на этих старых фотографиях. Но разве в ней дело? Разве полуграмотная фельдшерка на листке бумаги собиралась решить судьбу еврейского народа?

Конечно же, нет. Решал тот, который еще до этого письма задумал «врачей мэнять на молодых». Решала система, для которой не то что просто человеческие судьбы, а и судьбы целых народов были ничто. Господи, неужели это, наконец, кончилось? И кончилось ли?

Сергей БУРИН.